

МАКС ГЛЕБОВ

БАРЬЕР ОРИОНА

Объект контроля

Барьер Ориона

Макс Глебов

Объект контроля

«Автор»

2023

Глебов М. А.

Объект контроля / М. А. Глебов — «Автор», 2023 — (Барьер Ориона)

Галактику разделяет надвое невидимый сферический барьер, по одну сторону которого действуют привычные нам физические законы, а по другую люди способны к прямому управлению темной энергией. Граница проходит по рукаву Ориона, и Земле не повезло оказаться на рубеже, где столкнулись две цивилизации, ведущие агрессивную космическую экспансию... В основе могущества одной из них лежат технологии, намного опередившие земные, а стержнем другой стало то, что на Земле назвали бы магией. Полтора века назад обе цивилизации сошлись в сражении за Солнечную систему, и в тот момент судьба примитивных аборигенов, населявших третью планету, их совершенно не интересовала. Спустя сто пятьдесят лет среди потомков немногих выживших землян эта схватка известна, как Чужая война.

© Глебов М. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Макс Глебов

Объект контроля

Глава 1

Вид на танк, сгоревший много лет назад в заведомо проигранном сражении, открывается за поворотом протоптанной зверьем тропы как всегда неожиданно, хотя иду я здесь далеко не впервые и мог бы уже привыкнуть. Едва просвечивающая сквозь листву тусклая металлическая туша не выглядит опасной. Длинный ствол орудия бессильно упирается в землю. Почти всю погибшую боевую машину давно оплел колючий вьюн, а прямо из большого пролома в броне тянется ввысь уже вполне взрослое дерево, не уступающее толщиной ствола своим соседям. Я всегда ненадолго останавливаюсь здесь, хотя ничего нового для себя найти не рассчитываю. Этот танк я обнаружил еще в детстве, причем явно оказался не первым, кто на него наткнулся. До меня здесь кто-то уже побывал, причем не раз. Всё ценное, что можно было демонтировать без применения серьезных инструментов, давно растащили мои предшественники.

Вообще-то, Змеиный лес – не лучшее место для прогулок. Не знаю, откуда взялось это название. Змей здесь не больше, чем везде, да и встреча с ними – далеко не самое опасное, что может случиться с человеком, забравшимся в эту глушь. Наши редко сюда заходят, и мне это нравится. Среди жителей деревни Змеиный лес пользуется дурной славой, причем не на пустом месте. Здесь не раз бесследно исчезали опытные охотники, не говоря уже о простых земледельцах, а из случайно забредавших сюда детей обратно не возвращался никто. Почти никто. Я вернулся. Вот только за сохраненную жизнь лес взял немалую плату. Он меня изменил, причем настолько сильно, что сначала сверстники, а потом и взрослые стали меня сторониться.

Как всё случилось, я не помню. Мне тогда было всего восемь. Что заставило меня нарушить наложенный общиной запрет и отправиться в это опасное место, так и осталось загадкой. Змеиный лес как будто тянул к себе детей. Впрочем, не только их. Взрослые тоже иногда отправлялись сюда в надежде поправить пошатнувшиеся дела и разом изменить свою жизнь к лучшему. Некоторым это даже удавалось. Далеко не всем, но истории тех, кто смог вернуться с редкой и дорогой добычей, будоражили воображение и заставляли всё новых авантюристов или просто неудачников отправляться в запретный лес в поисках быстрого решения своих проблем.

Наверное, можно считать, что мне повезло. Я встретился с чем-то неведомым и при этом выжил, а потом каким-то чудом смог найти обратную дорогу к деревне, хотя в тот момент находился откровенно не в себе. Добиться от меня внятного рассказа о том, что случилось, ни родственники, ни староста так и не смогли. Я просто ничего не помнил. И ладно бы пострадала только краткосрочная память. Увы, я лишился изрядной части тех знаний и навыков, которыми обычный ребенок успевает овладеть к восьмилетнему возрасту. Фактически я превратился в деревенского дурачка, причем в дурачка со странностями. Моя память не просто очистилась от значительной части имеющегося содержимого. Освободившееся место заняла какая-то невообразимая каша из бессвязных клочков чужих воспоминаний. Станных, обрывочных и практически бесполезных. Люди, которым они когда-то принадлежали, умерли очень давно. Судя по всему, еще во время Чужой войны, полностью перекроившей судьбу нашего мира.

Много позже я случайно услышал, как мой двоюродный дядя обсуждал с соседом то, что со мной произошло.

– Не знаю, что и делать с этим дурачком, – жаловался дядя. – Висит на моей шее, а жена выгнать не дает. Говорит, нельзя так делать, что люди скажут? А по мне так ничего не скажут. Кому он такой нужен? Какой толк с него деревне? Лучше бы он вообще из того леса не вернулся.

– Может оно и так, – лениво ответил сосед. – Спасибо скажи, что совсем идиотом твой племянш не стал. Хоть под себя не гадит и к работе какой-то приспособить можно, где мозги не требуются. Говорят, ментальное оружие тайкунов и не на такое способно, могло и в овощ его превратить. Правда, тогда он и в деревню бы не вернулся. Похоже, не в полную силу его приложило. Подгнило, видать, что-то за сотню с лишним лет в том конструкте, который по нему ударил. Ну, или вообще не Серега твой целью был. По лосю какому-нибудь могло жahnуть, а мелкого просто краем зацепило.

– Да не важно уж теперь, как это случилось. Делать-то что с нахлебником? – продолжал ныть дядя.

Дальше слушать я не стал, боясь, что меня заметят, но разговор этот запомнил очень хорошо. Почему-то тогда я не испытал по поводу услышанного никаких эмоций. Дядя мне никогда не нравился, и, видимо, ничего другого я от него и не ждал. Однако выводы для себя я сделал, и, как оказалось, выводы правильные.

* * *

Вызов к главе сектора стал для Шелы полной неожиданностью. Обычно на доклады к генералу ходил начальник её департамента полковник Свег, однако на этот раз руководству почему-то захотелось побеседовать с ней лично, и это Шеле совершенно не нравилось. Как правило, подобные нарушения давно устоявшихся правил и негласных традиций ничем хорошим для рядовых исполнителей не заканчивались, а она была именно рядовым исполнителем и не строила по этому поводу никаких иллюзий.

Старший аналитик Шела Вир являлась одним из незаметных для высокого начальства винтиков большой разведывательно-аналитической машины, обеспечивающей руководство Республики актуальной и достоверной информацией. И если внимание главы сектора вдруг сфокусировалось на ней, значит либо она допустила какую-то очень серьезную ошибку, либо её собираются использовать для чего-то такого, что ей однозначно не понравится.

Грубых ошибок Шела за собой в последнее время не числила. Впрочем, о чем-то она могла просто не знать. Но всё же этот вариант казался ей маловероятным. А вот какой-нибудь гадости вроде очень неприятного задания, от руководства вполне можно было ждать. Поэтому, поднимаясь вместе с полковником Свегом в скоростном лифте на верхний ярус комплекса зданий Службы Дальней Разведки, Шела пребывала в отвратительном настроении.

– Гадаешь, зачем тебя дернул к себе Старик? – нарушил молчание полковник.

– А что тут гадать? – пожала плечами Шела. – Судя по всему, опять командировка, причем в такое место, куда вы меня своей властью отправить не можете. Видимо, совместная операция со смежным департаментом. Или вообще с представителями других силовых структур.

Шела могла бы добавить и еще кое-что о том, что она думает о смежниках в целом и о силовиках в частности, но говорить такое непосредственному начальнику явно не стоило.

– Не задержишься ты у меня надолго, – с легкой досадой покачал головой Свег. – Отберут. Да фактически уже отбирают. Мне запретили заранее рассказывать тебе подробности, но в целом всё именно так, как ты говоришь. Потерпи ещё пару минут, генерал в этот раз решил сам поставить тебе задачу.

Лифт плавно остановился. Бесшумно скользнувшая в сторону дверь открыла взгляду Шелы просторный светлый холл. Их уже ждали.

– Прошу следовать за мной, – негромко произнес референт главы сектора.

Рабочий кабинет генерала Курга легко вместил всех присутствующих. Помимо Шелы и Свега за столом для совещаний разместились ещё восемь человек, из которых Шела знала лишь троих – самого главу сектора и двух начальников смежных департаментов. Из тех, кого она видела впервые, двое не имели к Дальней Разведке никакого отношения. Что делали здесь флотский капитан второго ранга и майор десантного спецназа, оставалось только гадать.

Шела приготовилась слушать главу сектора, но неожиданно для себя практически сразу оказалась в центре внимания участников совещания.

– Итак, господа, – начал генерал Кург. – Вы все находитесь здесь, как организаторы или непосредственные участники совместной операции спецназа наземных сил, Особого корпуса флота и Службы Дальней Разведки. Приказ о её подготовке издан генштабом, что и сделало возможным столь тесное взаимодействие наших структур. На этом со вводной частью всё, переходим к конкретике.

Глава сектора обвел присутствующих быстрым взглядом, убедился, что все слушают его предельно внимательно и продолжил.

– Основанием для начала разработки плана операции послужил отчет, переданный в генштаб нашей службой около трех месяцев назад. За его подготовку отвечал аналитический департамент полковника Свега, – генерал остановил взгляд на начальнике Шелы, – а непосредственным сбором и обработкой данных занималась присутствующая здесь старший аналитик Вир.

Теперь взгляды присутствующих скрестились на Шеле. Общее внимание заставило её слегка напрячься, но внешне она осталась невозмутимой. Отчетов Шела готовила много, и о том, что какой-то из них привлек пристальное внимание руководства генштаба, ей ничего известно не было. Однако, долго гадать, о чем именно идет речь, Шеле не пришлось.

– Интерес в штабе вызвал не столько сам отчет, сколько приложение к нему, в котором старшим аналитиком Шелой Вир обобщены и структурированы разрозненные сведения, полученные из архивных баз данных времен Империи. Как вы, несомненно, знаете, в хаосе Большого Слома, приведшего к образованию на месте тоталитарной Империи нашего свободного и справедливого государства, многие архивные носители были повреждены или полностью утрачены. Тем не менее кое-что всё же сохранилось, и исследование госпожи Вир имело целью восстановление части данных, связанных с периодом первого столкновения с иншерами. Задача, поставленная перед Шелой Вир, ограничивалась временными рамками ведения сторонами интенсивных боевых действий в зоне Фронттира, приведших к образованию Барьера Ориона в его современном виде. Однако в процессе выполнения поставленной задачи старший аналитик обнаружила факты, заставившие её проследить развитие некоторых тенденций в более широком временном интервале, местами вплоть до начала Большого Слома. Результаты этой дополнительной работы, выполненной Шелой Вир по собственной инициативе, были вынесены в приложение к отчету и в итоге оказались наиболее ценной его частью.

Шела вспомнила. Да, то исследование её действительно увлекло. Прежде всего необычностью и неожиданностью сделанных имперскими учеными выводов. В итоге она решила не бросать случайно попавшую в её руки ниточку и раскрутить запутанный клубок до конца, пусть даже потратив на это личное время. Похоже, найденная информация заинтересовала не только её. Правда, реакция от генштаба последовала только сейчас, но, возможно, её выводы просто тщательно перепроверяли, и до лиц, принимающих решения, они добрались не сразу.

– Госпожа Вир, – генерал в упор посмотрел на Шелу. – Доложите нам вкратце основную суть проведенных вами исследований и огласите выводы, к которым вы пришли.

Шела обвела взглядом собравшихся в кабинете офицеров. Подобные доклады являлись для неё вполне привычным делом, хотя перед столь высоким начальством и представителями сторонних служб делать их ей пока не приходилось. Впрочем, особого волнения она по этому поводу не испытывала.

– Как известно, во время активной фазы конфликта в рукаве Ориона боевые действия отличались крайней жесточенностью и бескомпромиссностью, особенно на первом этапе, – начала Шела. – Именно в это время в зону боевых действий попала планета, населенная отсталой цивилизацией людей, не представлявшей ни для Империи, ни для иншеров никакой ценности. В отличие от местных жителей, звездная система, в которой находится их планета, имела для обеих сторон конфликта стратегическое значение. Поэтому бои за контроль над ней велись с весьма высокой интенсивностью. Естественно, аборигены отнеслись к происходящему крайне негативно. Они пытались защищаться. Впрямую по ним били только иншеры. Вооруженные силы Империи местных по большей части просто игнорировали. Понятно, что при их уровне развития как-то повлиять на происходящее аборигены не могли, и в результате сражений на поверхности планеты их примитивная техническая цивилизация практически прекратила свое существование, хотя небольшой части местных жителей удалось пережить активную фазу конфликта. Именно эти выжившие и представляют для нас интерес.

– Разрешите вопрос, господин генерал? – воспользовавшись небольшой паузой в докладе Шелы, обратился к главе сектора майор-спецназовец.

– Спрашивайте. Мы для того здесь и собрались в таком составе.

– Если я правильно понял, – майор перевел взгляд на Шелу, – даже до начала боевых действий аборигены не отличались высоким уровнем развития, а сейчас они окончательно скатились к состоянию дикарей. Чем же они могут быть нам полезны?

Этот вопрос неизбежно должен был возникнуть, и ответ на него у Шелы был готов.

– Дело совсем не в их научно-техническом потенциале, – спокойно ответила она, игнорируя сомнения, прозвучавшие в голосе майора. – Они ценны для нас совершенно другим. Хорошо известно, что ещё во времена Империи, сразу после первых столкновений с иншерами, предпринималось немало попыток изучить сверхъестественные способности наших врагов к прямому управлению темной энергией. Иншеры используют для этого лишь возможности собственного мозга и предельно примитивные устройства, изготовленные в основном из природных материалов. Имперские ученые полагали, что смогут обучить чему-то подобному хотя бы некоторых из наших людей, однако все их усилия не дали практически никаких результатов. На первый взгляд иншеры – такие же люди, как мы. Вот только не совсем. То, что наши предки считали магией, иншеры положили в основу своей цивилизации. У них это получилось, а у нас – нет. Почему так произошло, мы не знаем до сих пор.

Майор слегка поморщился и хотел что-то возразить, но генерал остановил его, чуть приподняв ладонь.

– Я понимаю, что пока всё сказанное мной не содержит для вас ничего принципиально нового, но это вступление всё же необходимо, – продолжила Шела, постаравшись вложить в свои слова максимум убедительности. – Итак, наша космическая экспансия развивалась достаточно быстрыми темпами, пока мы не достигли рукава Ориона, где и столкнулись с иншерами. Изначально считалось, что их цивилизация зародилась где-то во внешних рукавах галактики, и они тоже вели свою экспансию, планомерно продвигаясь к её центру. В итоге в какой-то момент мы просто наткнулись друг на друга. Однако, допросы первых же пленных показали, что это не так. Иншеры уже давно достигли рукава Ориона, и на этом их продвижение остановилось. Причина проста. При дальнейшем движении к центру галактики их способности к управлению темной энергией начинают стремительно деградировать, вплоть до полного исчезновения. Грубо говоря, их магия перестает работать. Если бы не это необъяснимое явление, нас бы просто смели. А так они фактически уперлись в стену, получившую чуть позже имя Барьер Ориона. В этой относительно узкой полосе пространства и велись основные боевые действия. Магия иншеров там еще работала, но уже заметно теряла эффективность. Через несколько месяцев интенсивных сражений стало окончательно ясно, что ни одна из сторон не сможет добиться победы или хотя бы ощутимо продвинуться вперед. В итоге, еще при Импе-

рии, с иншерами было заключено перемирие, и после Большого Слома Республика продолжила в полном объеме выполнять его условия. Теперь Барьер Ориона – полностью демилитаризованное пространство. Кроме наблюдателей от нас и от иншеров там никого нет. Вернее, почти никого. В ничейной зоне остались три планеты, населенные аборигенами. На двух из них живут первобытные люди, не представляющие ни для кого интереса, и только одна цивилизация к началу конфликта достигла уровня первых попыток освоения околопланетного пространства. Вот только, повторюсь, ценность аборигенов не в их технических достижениях. Эти люди веками жили в области пространства, где, пусть и в сильно ослабленном виде, работает магия иншеров. Мне удалось найти фрагменты исследований, выполненных имперскими учеными за несколько лет до Большого Слома. Из сопоставления обрывочных данных, собранных из разных источников, следует вывод, что при определенных условиях некоторые из жителей планет Барьера Ориона могут получить способности к управлению темной энергией. Подавляющее большинство из них такими возможностями никогда не обладало, но в ходе боевых действий многие аборигены попадали под воздействие оружия иншеров. В архивах есть сведения о том, что у некоторых местных жителей, выживших после таких ударов, через некоторое время начинали проявляться необычные способности. При этом у наших солдат, подвергшихся аналогичному воздействию во время конфликта, такого эффекта не наблюдалось. В своем отчете я высказала предположение, что если мы сможем найти среди местных жителей таких людей, у нас появится шанс привлечь в свои ряды бойцов, владеющих магией иншеров. Думаю, мне не нужно объяснять, какие перспективы это перед нами открывает.

– Но ведь после завершения боевых действий прошло полтора века, – возразил представитель флота. – Если во время конфликта кто-то из местных и получил такие способности, этих людей давно нет в живых. Или вы считаете, что возможность прямого управления темной энергией передается по наследству?

– Не исключено, хотя никаких данных на эту тему в имперских отчетах мне найти не удалось, – в ответе Шелы позвучало едва уловимое сожаление. – Тем не менее шанс найти нужных людей всё же есть. Наши наблюдатели докладывают, что на поверхности планеты до сих пор регулярно фиксируется техногенная активность, причем её источниками являются как остатки нашей техники, так и автономные конструкторы иншеров. В районах, где во время конфликта шли интенсивные боевые действия, такая активность достаточно высока, а значит, есть основания предполагать, что аборигены продолжают регулярно попадать под воздействие магии наших врагов.

– Правильно ли я понял, что генштаб планирует разведывательный рейд на одну из планет демилитаризованной зоны? – на лице майора армейского спецназа отразилось недоумение. – А как же наблюдатели иншеров?

– Прогресс не стоит на месте, – ответил глава сектора. – Присутствующий здесь капитан второго ранга Бахт – командир новейшего разведывательного корабля проекта «Химера». Он доставит спецгруппу на планету, а вот дальше уже придется действовать по обстоятельствам. В генштабе понимают, что в случае провала мы рискуем обострить отношения с иншерами, но, видимо, потенциальный результат оценивается руководством, как стоящий такого риска.

– Состав группы уже утвержден? – поинтересовался спецназовец.

– Да, – кивнул генерал. – И вы, майор, назначены её командиром. Ваши десантники будут отвечать за безопасность миссии на поверхности планеты. От Службы Дальней Разведки с вами пойдут трое. Два сотрудника инженерного департамента обеспечат бесперебойность работы систем наземной маскировки и сканирования. Это оборудование последнего поколения. Можно считать, экспериментальное, разработанное на новых физических принципах. За ним нужен постоянный контроль специалистов, но зато иншеры ни с чем подобным раньше не сталкивались, и есть основания полагать, что это позволит вам остаться незамеченными.

– С инженерами понятно, – кивнул майор. – Кто третий?

– Старший аналитик Шела Вир. Именно она будет определять направления поиска и выходить на контакт с нужными нам аборигенами.

– Сколько у нас времени на освоение нового оборудования и боевое слаживание группы?

– Три месяца. Генштаб предпочитает не торопиться и свести к минимуму вероятность провала вашей миссии, так что при необходимости и этот срок может быть увеличен, однако для обоснования такого решения потребуются достаточно веские причины.

Последние минуты совещания прошли для Шелы как будто в тумане. Она готовила себя к чему угодно, но только не к такому развитию событий. Шела не жаловалась на здоровье и уделяла достаточно внимания своей физической форме, но это не делало её кем-то большим, чем обычный кабинетный работник аналитического департамента. Перспектива высадки на одну из планет Барьера Ориона вместе с группой спецназа повергла её в шок, и максимум, на что она оказалась способна, это не показать окружающим, насколько сильно потрясло её услышанное.

* * *

Я бросаю последний взгляд на мертвый танк, привычно всматриваюсь в серую хмарь мелкого дождя, висящую между древесных стволов, и вновь выхожу на тропу. Мысли путаются и скачут с одного на другое. Раньше это случалось со мной довольно часто, но в последнее время такое происходит всё реже. Я постепенно учусь в зародыше пресекать это странное состояние. В детстве у меня не получалось его контролировать, и я регулярно говорил непонятные слова и бессмысленные фразы, пугавшие взрослых и служившие поводом для издевательств со стороны детей. Так я и стал одиночкой. Родители умерли рано, а дальние родственники просто махнули на меня рукой. Нет, меня не бросили. Кормили, кое-как одевали и пристраивали к несложным работам. Я даже ходил в нашу деревенскую школу. Правда, с отставанием от сверстников на три класса, что только усиливало насмешки с их стороны. Учительница ко мне относилась снисходительно и не слишком требовательно. Что взять с дурачка с поврежденным мозгом? Не мешает другим детям на уроках, и ладно.

То, чем я занимался в остальное время, никого не интересовало. Наверное, именно поэтому в какой-то момент я вновь решил тайно пробраться в Змеиный лес. Меня неодолимо тянуло в это странное и страшное место. Наверное, я хотел понять или вспомнить, что же случилось со мной в тот первый раз. Сначала я отважился лишь ненадолго зайти на опушку и почти сразу вернулся обратно. Ничего не произошло, и никто из деревенских не спросил, где это я пропал. Заметно успокоившись, я решил продолжить свои исследования, и со временем мои вылазки стали продолжительнее и осмысленнее. Я постепенно привыкал к лесу, проникая всё глубже в чащу, каждый раз осваивая лишь небольшой новый отрезок очень приблизительно намеченного маршрута. Иногда я добавлял к уже знакомому пути пятьдесят метров, реже сто.

На остатки укрепрайона тайкунов я наткнулся примерно через три месяца после начала своих нелегальных походов. Мне опять повезло. На казавшуюся вполне безопасной небольшую лесную поляну за пару дней до моего прихода неосторожно сунулся матерый волчара. Струя жидкого inferнального пламени сожгла ничего не подозревавшего зверя почти целиком. Вид останков лесного хищника предупредил меня об опасности и заставил вовремя остановиться. Я не стал двигаться дальше, пока тщательно не изучил обнаруженную зону давно отгремевших боев. На это у меня ушло очень много времени. Я не собирался повторять совершенную несколько лет назад ошибку и проявил редкие для десятилетнего пацана терпение и осторожность. Возможно, это и позволило мне выжить.

Сегодня сыро и ощутимо прохладно. Конец ноября – довольно противное время даже в наших относительно теплых краях. В деревне сейчас намного уютнее, чем в мокром лесу, но возвращаться туда раньше позднего вечера я не собираюсь. Меня там давно никто не ждет. Ну, может быть за единственным исключением, хотя и в этом я до конца не уверен. Остальные

меня просто терпят. Я неплохой охотник, и старшие, пусть и морщась, вынужденно признают, что я приношу поселению немало пользы. И не только поселению, но и им лично.

Кузнец и лавочник имеют вполне приличную прибыль с моей добычи. Да и старосте, несомненно, перепадает с неё вполне приличный кусок. Так что с нашими властями у меня недружелюбный, но, подкреплённый взаимным экономическим интересом нейтралитет, а вот с поколением, выросшим вместе со мной, практически неприкрытая вражда. Ну а если учесть, что заводилами среди повзрослевших деревенских пацанов являются сыновья всё тех же лавочника, старосты, кузнеца и прочих авторитетных в нашем поселении личностей, заступаться за меня совершенно некому. Дальние родственники от участия в моей судьбе давно самоустрашились, а друзей у меня, в силу вполне понятных обстоятельств, после восьми лет не осталось.

Змеиный лес приносит мне неплохие трофеи. Я бы даже сказал, очень неплохие, особенно в сравнении с тем, что удаётся добыть другим молодым охотникам, да и не только молодым. Естественно, это вызывает зависть. Всё, что я приношу, кузнец и лавочник выкупают у меня в два-три раза дешевле, чем у других парней, но получают всё равно вполне приличные деньги, особенно с учетом моих новых знакомств, о которых пока никто не знает и, я надеюсь, знать не будет.

Наверное, я бы давно ушел из деревни. До ближайшего города не так уж далеко. Да и других поселений в радиусе пары сотен километров хватает. Вот только без бумаги от старосты даже на тракты выходить нельзя, не говоря уже о посещении других поселений. Ну а чтобы перебраться жить в город, нужно разрешение барона, о котором простой сельский житель может только мечтать.

Чужая война очень сильно изменила наш мир. Мы стремительно откатились в странное уродливо искаженное средневековье, где новые поколения уже вовсю используют луки и стрелы, но ещё знают от предков, что когда-то мы умели строить летающие машины и даже поднимались за пределы атмосферы планеты, где нет воздуха и предметы перестают падать вниз. Вернее, говорят, что верха и низа там вообще не существует, но я плохо понимаю, что это значит. При этом мы все точно знаем, что это не сказки. Материальные доказательства былого технического могущества людей встречаются достаточно часто. Тот же сгоревший танк, оставшийся за моей спиной, тому яркое подтверждение. Вот только все эти устройства по большей части давно мертвы. Ну, может быть, не совсем все. Что-то осталось. Говорят, в городах есть хорошо защищенные цитадели, где правители держат всё то, что удалось сохранить с давних времен или найти уже после ухода чужих, превративших нашу планету в поле боя. Увы, после их сражений от нашей цивилизации мало что осталось.

Тайкуны сражались с кибями, почти не обращая внимания на местных дикарей, едва-едва научившихся выходить в ближний космос. Они походя стирали с лица земли города и превращали целые регионы в мертвые пространства, покрытые оплавленным шлаком. А потом просто ушли, внезапно перестав азартно уничтожать друг друга. Непримиимые враги одновременно покинули планету, и вот уже полтора века их никто не видел, если, конечно, не считать нескольких не слишком крупных космических объектов, оставшихся на высоких орбитах. С поверхности их видно очень плохо, даже в немногие уцелевшие телескопы. Деталей не разобирать. Зачем они там, никто не знает, хотя гипотез за полторы сотни лет выдвинуто множество. А в итоге доподлинно известно лишь то, что на нашу жизнь они никак не влияют. Похоже, их хозяев мы по-прежнему совершенно не интересуем.

Поваленное дерево необычной формы появляется справа от тропы примерно минут через двадцать. Это промежуточная точка маршрута. Именно здесь у меня устроен тайник. Далеко не всё из того, что можно найти в Змеином лесу, я могу открыто приносить в деревню. Некоторые устройства кибов и конструкты тайкунов просто не встречаются нигде больше в окрестностях нашего поселения. Показав их кузнецу, я сразу подпишусь под тем, где добыл свои трофеи. Вообще-то взрослым, а я уже таковым считаю, в Змеиный лес ходить не запре-

щено, но нужно получать специальное разрешение у старосты и потом, если вернешься, подробно отчитываться о маршруте и результатах похода, а это значит, что мне придется сдать все мои многолетние наработки в лапы ушлых конкурентов, чего я, естественно, не хочу. Узнают, что успешно хожу в лес – навяжут сопровождающих, а потом и оглянуться не успеешь, как отождут тебя в сторону, как отработанный материал. Тут любая тропа месяцами пробивается, вокруг каждой уцелевшей техногенной или inferнальной дряни на пузе километры проползаны, а детишки наших начальников мечтают получить всё сразу и задарма. Нет уж. Пусть сами подставляют свои задницы под выплески модифицированной темной энергии и поражающие элементы гаусс-мин.

Кузнецу я ношу только те трофеи, которые можно найти не только в Змеином лесу, но и в местах попроще. Он берет у меня более или менее сохранившиеся куски пластика и разных композитов, фрагменты старых изделий из цветных металлов, кабели с уцелевшей изоляцией и прочие осколки сгинувшей технической цивилизации. Там, где происходили короткие стычки между чужими, иногда попадаются обломки их устройств и конструкторов, но на много километров вокруг деревни все такие места давно найдены и перекопаны на несколько метров вглубь. Найти там что-то полезное почти нереально. Поэтому такие трофеи я ношу в деревню редко.

Лавочник берет у меня мясо и шкуры всякого зверья, которого в Змеином лесу более чем достаточно, благо охотников, рискующих сюда заходить, можно пересчитать по пальцам. Откуда принесена добыча, я никому, естественно, не говорю. Иногда приношу что-то из бытовой мелочевки, сделанной ещё до войны. Керамика и нержавеющая сталь неплохо сохраняются. Такие вещи в цене, и лавочник выкупает их у меня с удовольствием. Вот только всё это ерунда. Настоящие трофеи я храню в тайниках прямо в лесу. За годы моих походов их накопилось немало, и до последнего времени я не знал, что с ними делать. Теперь знаю.

* * *

Данжура я встретил в Змеином лесу полгода назад. Ну, как встретил... Наткнулся случайно. Парень попался в ловушку, выбраться из которой самостоятельно он не мог. За добычей Данжур пошел не один. Вот только троих его товарищей накрыло взрывом прыгающей гаусс-мины, а сам он чудом остался в живых. На пути летевшего в его сторону поражающего элемента оказалась толстая ель, и Данжура изрядно приложило в грудь ударом пробившего дерево пластостокерамического стержня, однако ситалловая пластина бронезилета выдержала удар. Самостоятельно двигаться охотник мог с трудом, да и желания такого, мягко говоря, не испытывал. Столь невовремя активировавшаяся гаусс-мина явно израсходовала еще не все поражающие элементы, и на любую попытку Данжура покинуть неглубокую ямку, куда его отбросило ударом, неминуемо отреагировала бы новой порцией смертоносных стержней.

Место это я знал давно, считал его опасным и всегда обходил по большой дуге. Однако в тот раз я мимо не прошел. Последствия работы гаусс-мины трудно не заметить, особенно если знаешь, куда смотреть и что искать. Впрочем, глаза бы мои этого не видели. Трое охотников погибли мгновенно, но вот то, что от них осталось, выглядело крайне неприятно. Увиденное ещё раз убедило меня в том, что моё чувство опасности – совсем не плод воспаленного воображения, как и ещё пара необычных и иногда пугающих меня самого способностей моего организма. Я не знал, что именно ждет неосторожных любителей быстрого обогащения в этом ничем не примечательном ельнике, но уверенность, что соваться туда нельзя, не покидала меня с того самого момента, когда я впервые его увидел. Даже пробитая между деревьями звериная тропа не натолкнула меня на мысль пройти напрямик. А вот четырех охотников именно она, похоже, и ввела в заблуждение. Увы, не все уцелевшие устройства и конструкторы времен Чужой

войны срабатывают на лесное зверье. Некоторые умеют неплохо распознавать цели и не тратят ценные боеприпасы на волков и лосей.

Люди, угодившие в ловушку, прошли здесь несколько часов назад, и их действительно было четверо, но я, сколько не смотрел, смог обнаружить только три тела. Четвертому, похоже, повезло. Впрочем, у меня была возможность это проверить. Постоянно прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, я осторожно обошел ельник. Следов выжившего охотника мне обнаружить не удалось. В то, что он мог их просто не оставить, верилось с трудом. Во-первых, потому что до того, как угодить под удар гаусс-мины, они двигались по тропе хоть и аккуратно, но всё же оставляя за собой свидетельства того, что здесь недавно прошли люди. Потревоженный подошвами ботинок мох, отдельные сломанные ветки и прочие мелкие признаки, способные многое сказать внимательному наблюдателю. Ну а во-вторых, после срабатывания ловушки единственному уцелевшему охотнику должно было стать совсем не до того, чтобы заботиться о заметании следов. К тому же он почти наверняка получил ранение, а это делало скрытое перемещение совсем уж затруднительным.

Завершив обход опасного места по периметру, я пришел к выводу, что если последний охотник и выжил, то ельник он до сих пор не покинул. Разумнее всего было просто пройти мимо. Лезть под поражающие элементы гаусс-мины ради непонятого незнакомца совершенно не хотелось. Он мог оказаться кем угодно, и такая встреча с весьма высокой вероятностью сулила мне большие проблемы. И всё же я не ушел. Вернее, ушел, но не сразу и лишь для того, чтобы вернуться к ельнику более подготовленным к тому, что собирался сделать.

Прежде чем отправиться к тайнику, я решил убедиться в том, что мои предположения верны. В конце концов, четвертый охотник мог быть уже мертв. К примеру, получил ранение, смог спрятаться, а потом умер от потери крови. Чем не вариант? Я некоторое время размышлял о том, как проверить, жив ли тот, кого я собираюсь спасти, но выживший охотник сам проявил инициативу. О моем присутствии он не знал, ни на чью помощь рассчитывать не мог, и, видимо, решил попытаться сделать хоть что-то.

По стволу одной из елей звонко шелкнул небольшой камень. Похоже, охотник пытался спровоцировать новую активацию гаусс-мины. Боезапас у нее далеко не бесконечен, и любое ложное срабатывание повышает шанс, что он иссякнет. Сколько раз мина срабатывала за прошедшие полтора века, никто не знает, так что определенная логика в поступке загнанного в ловушку человека присутствовала. Вот только эта мина, похоже, была не из простых. Если уж она зверей, проложивших здесь тропу, не трогала, а сработала только по людям, то отскочивший от ствола дерева камень тем более не мог её обмануть. Ни людей, ни легкобронированной техники в радиусе поражения её сканеры не видели, и устройство времен Чужой войны провокацию проигнорировало.

Зато теперь я знал, что охотник жив и в сознании. Единственное, чего следовало опасаться, так это глупостей с его стороны, на которые загнанный в угол человек вполне мог решиться от отчаяния. Мне следовало как-то себя обозначить, чтобы неизвестный набрался терпения и тихо сидел в своем убежище, пока я его не вытащу. Конечно, можно было бы просто крикнуть охотнику, чтобы не дергался, но Змеиный лес – не то место, где стоит орать на всю округу. А вот идея с броском камешка показалась мне неплохой. Раз уж экспериментально доказано, что гаусс-мину это не раздражает, грех не воспользоваться таким способом коммуникации, благо точно метать предметы различного веса и формы я неплохо натренировался ещё в детстве, постепенно отучив деревенскую гопоту считать меня легкой целью для издевательств, причем даже когда их много, а я один.

Прилет в лоб грубо оструганного деревянного шарика, запущенного умелой рукой, даже у самых тупых многое меняет в голове. У меня такие самодельные снаряды в карманах никогда не переводились. Вся прелесть заключалась в том, что взрослые не рассматривали их, как оружие, и в наши разборки обычно не вмешивались, если, конечно, они не заканчивались уве-

чьими. Деревянный шарик при должной силе и точности броска способен очень неприятно удивить любого любителя самоутвердиться за чужой счет, но при этом позволяет достичь нужного эффекта, не покалечив противника. Правда, по мере взросления некоторые из моих врагов становились всё более отмороженными, и ближе к семнадцати годам я был вынужден добавить в свой арсенал несколько довольно крупных металлических шариков, добытых из старых подшипников, однако их боевого применения мне пока удавалось избегать, хоть и с большим трудом.

Камешки подходящего размера я искать не стал. В лесу они россыпью не валяются, а терять время и испытывать терпение выжившего охотника мне не хотелось. Пришлось пожертвовать тремя деревянными шариками из моих запасов. Приближаться к ельнику мне по-прежнему не хотелось, так что бросать пришлось издалека и с закрытой позиции. Я укрылся за невысоким бугром, показавшимся мне достаточно прочным. Первая попытка оказалась неудачной. Шарик почти бесшумно упал на землю, покрытую толстым слоем хвои. Никакой реакции со стороны гаусс-мины не последовало, и это не могло не радовать. Второй и третий броски оказались более удачными. Я лишь примерно представлял, где может скрываться попавший в западню человек, но, похоже, мне повезло, и один из шариков ударил в ствол дерева где-то рядом с ним.

Секунд тридцать спустя мой импровизированный снаряд прилетел обратно, задев при этом несколько небольших веток чуть в стороне от моей позиции. Теперь неизвестный знал о моем присутствии, и я мог рассчитывать, что в ближайшее время он воздержится от всяческих глупостей и будет смирно лежать в своем убежище, ожидая развития событий. Заставлять его ждать слишком долго я не собирался, но на то, чтобы добраться до тайника и вернуться обратно мне требовалось не меньше часа.

Когда я вернулся, ситуация в ельнике не изменилась. Во всяком случае мертвых тел в поле зрения не прибавилось, и это внушало надежду, что у застрявшего здесь охотника хватило терпения меня дожидаться. С собой из тайника я захватил три предмета, которые, в отличие от безобидных камешков и деревянных шариков, обязательно должны были вызвать у гаусс-мины неподдельный интерес.

К ельнику я приближался с большой осторожностью. Сейчас в моем рюкзаке лежали два амулета и фрагмент непонятого конструкта, разрушенного близкими взрывами нескольких снарядов небольшого калибра. Все эти предметы я нашел под слоем грунта в лесном овраге вместе с плохо сохранившимися останками двух тайкунов. Судя по всему, эта парочка была чем-то вроде расчета некоего энергетического оружия, неудачно попавшего под очередь из скорострельной автоматической пушки. Амулеты и обломок конструкта хранили в себе остатки энергии, которую я каким-то образом чувствовал.

Эта способность появилась у меня через пару лет после того случая в Змеином лесу, когда я вернулся в деревню в почти невменяемом состоянии. Тогда же проявили себя и ещё два новых свойства моего организма. Я стал заранее чувствовать опасность, исходящую от других людей и предметов, и иногда спонтанно погружаться в состояние обостренного восприятия, в котором очень ненадолго, иногда буквально на доли секунды, все мои органы чувств скачком повышали чувствительность в десятки раз. Увы, сам вызывать это состояние я не умел, как не умею и сейчас. Оно приходит само по себе, причем иногда в самые неожиданные моменты.

Амулеты и остатки конструкта тайкунов я принес из тайника не просто так. Все устройства кибов очень болезненно реагируют на хранящуюся в них энергию, природа которой остается для меня совершеннейшей загадкой. Некоторые жители нашего поселения не заморачиваются и называют тайкунов магами. Кто знает, возможно, так оно и есть. Тайкуны владеют техниками управления энергией, берущейся как бы из ничего. Что это, если не магия? Кто-то считает, что они оперируют той самой темной энергией, которую так и не научились регистрировать наши ученые, а кто-то зовет её инфернальной, не пытаясь придавать своим словам

научнообразную форму. Возможно, у этой способности тайкунов есть и нормальное научное объяснение, но нам оно неизвестно. Как бы то ни было, некоторое время назад я научился эту энергию чувствовать, и гаусс-мина, притаившаяся где-то в ельнике, тоже наверняка умела её обнаруживать. По крайней мере, я на это рассчитывал, и, как показала практика, вполне обоснованно.

В этот раз мое чувство опасности проявило себя, когда до границы условно безопасной зоны вокруг ельника с гаусс-миной оставалось около пятидесяти метров. Причем взвыло оно так, что я, не раздумывая, бросился на землю. Над моей головой с резким свистом прошел веер поражающих элементов, лицо и шею обдало потоком горячего воздуха. За спиной раздались глухие удары, слившиеся в барабанную дробь. Пластокерамические стержни вонзились в стволы деревьев.

Похоже, артефакты тайкунов, лежащие в моем рюкзаке, заставили гаусс-мину рассматривать меня в качестве приоритетной цели. Во всяком случае, обнаружила она меня на большем расстоянии, чем раньше. Для совершения выстрела плоский диск мины подпрыгнул, поднявшись, на пару метров над землёй, и сразу после залпа упал обратно, вновь слившись с поверхностью. В падении я успел заметить лишь мелькнувшую где-то впереди размытую тень.

Упав, я перекатился под прикрытие толстого ствола недавно поваленного ветром дерева. В качестве укрытия от поражающих элементов гаусс-мины оно подходило весьма условно, но другого у меня всё равно не имелось. От амулетов и обломка конструкта следовало срочно избавиться. Я осторожно стянул со спины рюкзак и вытащил из-под клапана смятую медную пластину, покрытую непонятными рунами. От обломка конструкта исходили едва ощутимые эманации скрытой в нем энергии.

Я слегка изменил позу и сильно размахнувшись прямо из положения лёжа метнул пластину куда-то вверх и в сторону ельника, одновременно с броском откатившись на пару метров влево. Рюкзак с рунами тайкунов я оставил на месте и, как оказалось, очень правильно сделал.

Знакомый свист поражающих элементов в этот раз сопровождался новыми спецэффектами. Брошенный мной осколок конструкта встретился с одним из стержней прямо в воздухе. Столкновение породило яркую вспышку и, что куда менее приятно, целый град осколков. Резкая боль дернула правую руку, но, похоже, я получил лишь глубокую царапину. Рюкзаку повезло меньше. Прикрывавшее меня дерево приняло сразу три попадания. Один из поражающих элементов пробил ствол и разорвал рюкзак в клочья. Судя по всему, гаусс-мина восприняла полет обломка конструкта, как личное оскорбление, и ударила не только по нему самому, но и по точке его запуска, причем не жалея боезапаса.

Царапина на руке саднила, но я не обращал на неё внимания. Сбитая взрывом и стрельбой листва и хвоя осыпались на землю и всё стихло, вот только эта тишина не сулила мне ничего хорошего. Подождав пару минут, я осторожно осмотрелся вокруг, медленно отполз чуть в сторону и подобрал сухую ветку, с помощью которой медленно подтянул к себе то, что осталось от рюкзака. Один из амулетов тайкунов оказался расколот на несколько частей, и никакой магической энергии я в нем больше не чувствовал. Второй артефакт уцелел. Брать его в руку очень не хотелось, но другого способа проверить, сработал ли мой план, я не видел.

Вырезанный из темного камня кругляш, испещренный странными угловатыми символами, неожиданно оказался горячим. Не обжигающим, но ощутимо нагретым. Исходящий от него энергетический фон усилился. Видимо, между ним и только что уничтоженными артефактами существовала какая-то связь, и уцелевший предмет отреагировал на разрушение двух других. Мало того, когда я его коснулся, по моим пальцам прошла произвольная дрожь, и что-то произошло со зрением. Я, похоже, начал видеть тепловое и ультрафиолетовое излучения. Как только я отдернул руку, странный эффект немедленно исчез. Нечто подобное со мной уже случалось при контакте с другими амулетами тайкунов, но тогда эффекты были другими и проявлялись гораздо слабее.

В тот момент размышлять об этом мне было некогда. От проявившего активность амулета хотелось как можно быстрее избавиться, чтобы не попасть под новую порцию смертоносных стержней. Я размахнулся и отправил артефакт в полет примерно по той же траектории, что и медный обломок конструкта, и сразу перекатился в сторону, причем ещё быстрее, чем в первый раз. Распластавшись на земле, я ждал нового града поражающих элементов, но услышал только мягкий шлепок упавшего на хвойный ковер артефакта. Залпа не последовало, и одновременно ощущение опасности, исходящее от лежащего передо мной ельника, скачком уменьшилось до уровня, почти неотличимого от фоновых значений.

Видимо, что-то подобное почувствовал и попавший в западню охотник. Он не стал больше ничего ждать и медленно выбрался из своего убежища. Вставать он благоразумно не стал. Гаусс-мина, даже исчерпав боезапас поражающих элементов, ещё могла преподнести неприятный сюрприз, просто взорвавшись, как обычный осколочный боеприпас. Неизвестный осторожно пополз в мою сторону. Мина не проявляла никакой активности, и минут через десять молодой парень, старше меня не больше чем на пару лет, шумно дыша привалился к стволу дерева, всё это время служившего мне укрытием.

– Данжур, – представился охотник, протягивая мне руку. – Спасибо, что вытащил. Когда ты свою деревяшку в мою сторону кинул, я уже собирался рвануть на прорыв. До сих пор жуть берет, когда думаю, что бы со мной было, опоздай ты со своим предупреждением на пару минут. Глупо мы попались. Понадеялись на наставника и... Да чего уж теперь...

Парня откровенно трясло, у него начался отходняк после пережитого ужаса.

– Сергей, – назвался я, пожимая руку новому знакомому. – Давай не будем здесь задерживаться. Нашумели мы...

– Веди, – согласно кивнул Данжур. – Поговорить ещё успеем.

Глава 2

Сразу к тайнику я не сворачиваю. Сначала внимательно осматриваю все подходы. Интуиция пока молчит, но на все сто процентов я на неё предпочитаю не полагаться. Минут через пять прихожу к выводу, что в мое отсутствие сюда никто не наведывался.

Герметичный пластиковый контейнер ждет меня в неглубокой яме, выкопанной под стволом упавшего дерева. Тайник прикрыт металлической крышкой, сделанной из куска легкого нержавеющей металла. Какой-то сплав магния и алюминия с небольшими добавками марганца и хрома. Когда-то он, наверное, был частью обшивки фюзеляжа самолета или корпуса небольшой лодки. Сплав явно наш, земной. К чужим он никакого отношения не имеет. Сверху на крышке лежит толстый слой дёрна, и я стараюсь его не потревожить.

С нашей последней встречи с Данжуром трофеев в контейнере накопилось немало. Ну так больше месяца уже прошло. От моего торгового партнера долго не было вестей, но неделю назад в условленном месте я наконец обнаружил небольшую пластиковую капсулу с запиской. Данжур предлагал дату и время встречи и спрашивал, что я готов принести на обмен. Место встречи мы согласовали заранее, так что о нем нам договариваться не пришлось. С точки зрения безопасности это правильно. Тайник в лесу – штука ненадежная. Всегда остается шанс, что кто-то прочтет наши послания, и нечего этому кому-то знать, куда мы притащим рюкзаки с ценными артефактами.

Отбираю трофеи для обмена и перемещаю в рюкзак. Из артефактов тайкунов беру с собой четыре амулета и жезл из темного дерева с тусклым желтоватым кристаллом в наконечнике. Все предметы неплохо сохранились. В них чувствуется остаточная энергия. Немного, но, видимо, этого хватило, чтобы полторы сотни лет противостоять воздействию внешней среды. Из смертоносного наследия, оставленного в Змеином лесу кибями, в рюкзак переезжают четыре снаряда к легкой автоматической пушке, полтора десятка поражающих элементов от гаусс-мин и пара каких-то небольших устройств неясного назначения. В ценах на такой товар я ориентируюсь очень приблизительно, но даже с моими отрывочными знаниями очевидно, что стоит моя добыча весьма немало.

Бросаю взгляд на три амулета, лежащих в отдельном пакете. Это особые трофеи, продавать которые я буду только если совсем уж прижмет. Один из них – амулет, расширяющий диапазон моего зрения в инфракрасную и ультрафиолетовую области спектра. Этот эффект я обнаружил совершенно случайно, когда спасал Данжура от гаусс-мины. Тогда мне было несколько не до того, но потом я изучил амулет очень тщательно и обнаружил, что он безотказно отзывается на мое прикосновение, выдавая всегда один и тот же результат. Ночное зрение ещё никому не вредило, так что эту добычу я храню исключительно для себя. Ещё два амулета тоже вступают во взаимодействие с моим организмом, но управлять ими сложнее и эффекты иногда получаются непредсказуемыми. Когда-нибудь я досконально с ними разберусь, но пока они просто лежат и ждут своего часа.

Подумываю не взять ли с собой амулет, расширяющий возможности зрения, но отказываюсь от этой мысли. У даруемых им способностей есть и обратная сторона. Устройства кибов очень не любят такие предметы, и их носитель сразу переходит для них в разряд приоритетной цели. Конечно, я собираюсь нести к месту встречи и другие амулеты, но там я их сдам Данжуру и получу взамен предметы попроще, земного происхождения, так что весь обратный путь я смогу проделать, не являясь объектом притяжения для всякой недобитой высокотехнологичной пакости. К тому же тащить амулет в деревню – не лучшая идея. Если его случайно у меня обнаружат, будет много лишних вопросов.

Возвращаю пластиковый контейнер на место и привожу тайник в изначальный вид. Проверяю маскировку и остаюсь доволен проделанной работой. Заметить мой схрон невозможно

даже присев отдохнуть на ствол дерева, под которым он скрыт. Задерживаться здесь дольше нет смысла. До места встречи добираться не меньше часа, и я вновь выхожу на звериную тропу.

Данжура я, как обычно, замечаю первым, хотя он прибыл раньше меня и ждет в неподвижности, укрывшись в молодой поросли орешника рядом с условленным местом. Автоматически отмечаю, что спасенный мной полгода назад охотник пришел один. Ничего другого я и не жду, но мало ли... О наших делах ни мои односельчане, ни его товарищи не знают. По крайней мере, Данжур уверяет, что никому ничего не рассказывает. Я ему верю, это в его собственных интересах.

Деревянный шарик отправляется в полет и с негромким стуком отскакивает от поросшего мхом ствола большой сосны. Рикошет бросает его почти к самым ногам моего торгового партнера. Ветви орешника приходят в движение, и мне навстречу выходит Данжур.

– Опять я тебя не заметил, – улыбается парень, удивленно качая головой. – Как ты это делаешь? Я ведь тоже не первый год по лесам хожу. Из наших никто ко мне так подкрасться не может. Ты один такой уникальный.

– Непростое детство многому учит, даже если ты этого не хочешь, – обтекаемо отвечаю я, пожимая протянутую Данжуром руку. – Как добрался?

– Без приключений. Сегодня в лесу спокойно. Ну, по местным меркам, естественно. Сам знаешь, в такую погоду ловушки на меньшей дистанции срабатывают. Может, дождь звуки глушит... Да и зверье сейчас без крайней необходимости из нор не вылезает. Сложнее было покинуть город, не привлекая лишнего внимания. Твои трофеи у нас уходят влёт, и я уже чувствую нездоровый интерес к своей персоне, так что приходится смотреть вокруг очень внимательно.

– Тебе, конечно, виднее, но может стоит сделать паузу и повременить с продажей? Ну, или сменить канал сбыта? – последние слова Данжура мне совершенно не нравятся. Что такое нездоровый интерес к моим доходам, я хорошо знаю по собственному опыту.

– Пока это не критично, – небрежно отмахивается охотник, но легкость его тона меня не убеждает. Похоже, сложившаяся ситуация его всё-таки беспокоит, пусть пока и не слишком сильно.

– Ну, показывай свои сокровища, – меняет тему Данжур. – Времени у меня немного. Нужно засветло вернуться, чтобы на входе в город не было лишних вопросов.

Я молча снимаю рюкзак, разворачиваю кусок прозрачной плёнки и выкладываю на него свои трофеи, предназначенные для обмена. Суть нашего сотрудничества заключается в том, что все предметы, которые я сам не могу сбыть в деревне, не вызывая подозрений, забирает у меня Данжур. Ну а взамен я получаю то, что можно выдать за добычу, найденную в местах, более спокойных, чем Змеиный лес. Похоже, мой торговый партнер имеет с этой деятельностью очень неплохую прибыль. Настолько неплохую, что в его сторону уже начинают посматривать представители какой-то из городских криминальных группировок. Из тех, что помельче и пожиже, иначе Данжур не утверждал бы, что пока не видит в этом серьезных проблем. Впрочем, я городских раскладов не знаю. Вся информация о жизни в городе у меня только с чьих-то слов, доверять которым можно весьма условно.

Амулеты тайкунов вызывают у Данжура одобрение. Я и сам знаю, что товар хорош. Ничего выдающегося, но, как я слышал, в городе на эти магические изделия есть неплохой спрос. Что с ними делают покупатели, я не в курсе. Мой партнер об этом особо не распространяется. То ли тоже не знает, то ли по каким-то причинам просто придерживает эту информацию.

Снаряды к автоматической пушке вызывают у него более сдержанную реакцию. Товар хоть и ценный, но абсолютно стандартный. А вот к двум небольшим устройствам кибов Данжур проявляет гораздо больший интерес.

– Видел я как-то подобные штуки, – задумчиво произносит охотник. – Случайно подсмотрел. Торговцу, с которым я веду дела, сдавал их один очень серьезный мужик. Говорят,

он иногда даже напрямую на барона работает. Когда я вошел, он свой товар быстро обратно в сумку убрал, но кое-что я увидеть всё же успел, хоть и прикинулся, что ничего не заметил, а если что и зацепил взглядом, то всё равно не понял, что именно попало мне на глаза. Ну, честно говоря, я действительно понятия не имею, что это, однако вещички явно редкие и недешевые.

– Брать будешь?

– Возьму, – кивнул Данжур. – Точную цену, извини, не знаю. Так что в наш обмен они пока пойдут, как амулеты. Если выручу больше, учтем в следующий раз. Не против?

– Забирай.

Не верить партнеру у меня оснований нет. Подобные сделки у нас случались и раньше, и один раз Данжур действительно доплатил мне за артефакт, который ему удалось продать дороже, чем он изначально рассчитывал. К сожалению, просто продавать ему свою добычу я не могу. В деревне ко мне приковано слишком пристальное внимание, и любые появившиеся у меня деньги, полученные не от старосты, кузнеца или лавочника, сразу вызовут много неприятных вопросов. По мелочи, конечно, я деньги у охотника беру, но в основном он рассчитывается со мной по бартеру.

– Это всё? – уточняет Данжур, обводя взглядом разложенные на пленке артефакты.

– Не совсем, – я достаю из рюкзака деревянный жезл с отливающим желтизной кристаллом в наверхии, и глаза моего торгового партнера на мгновение вспыхивают алчным огнем.

На самом деле Данжур не торговец. Он такой же охотник, как я, и навыка сохранять невозмутимость при виде по-настоящему дорогих трофеев у него нет. Вот наш лавочник, тот даже бровью бы не повел, делая вид, что перед ним обычная палка с никчемной стекляшкой на конце. Данжур так не может, и это хорошо. Как и то, что жадностью своей он умеет управлять, а при необходимости и жестоко давить её в зародыше.

– Жезл центуриона тайкунов, – окончательно справившись с эмоциями, произносит охотник. – Судя по цвету кристалла, возможно, даже старшего центуриона, причем в отличном состоянии. Очень ценная вещица. Не спрашиваю, где ты его нашел, но в легкодоступных местах такие трофеи однозначно не встречаются.

– Место было непростым, – киваю я, не вдаваясь в детали. Ничего другого Данжур и не ждет.

– Я думал, что принес достаточно товаров на обмен, даже с запасом, – разочарованно качает головой охотник. – В записке ты упомянул жезл, но подробно его не описал. Я думал, это рядовая вещица, а тут такое... Слушай, давай договоримся. Я тебе отдам то, что у меня есть с собой, включая все деньги, а жезл возьму... ну, авансом, что ли. На продажу. При следующей встрече полностью рассчитаемся.

– Покажи хоть сначала, что принес, – сразу соглашаться на предложение Данжура я не спешу, хотя прекрасно понимаю, что в итоге всё равно отдам ему жезл. Спасенный мной охотник – неплохой парень, насколько это вообще возможно в нашем постапокалиптическом средневековье. Все мы не без недостатков, но некие понятия о совести у него есть, это сомнений не вызывает. Да, заработает он на жезле центуриона очень неплохо, гораздо больше, чем отдаст мне, но просто кинуть меня и навсегда исчезнуть с дорогим артефактом – это не про Данжура. Обижать его недоверием я никак не могу. Не стоит оно того, чтобы обрывать единственную ниточку, связывающую меня с внешним миром в обход деревенского старосты и его поделщиков.

Данжур тоже расстилает на земле пленку и начинает выкладывать на неё содержимое своего рюкзака. Набит он у него действительно изрядно, причем далеко не дешевым барахлом. Впрочем, как и всегда.

* * *

В обратный путь отправляюсь с ощутимо потяжелевшим рюкзаком. Раза в четыре потяжелевшим. Данжур – парень здоровый, и переть на себе эту тяжесть ему было проще. Охотник не обманул. На обмен он принес действительно чуть не в полтора раза больше различных предметов, чем могло ему понадобиться, исходя из моего списка. Он всегда так делает, ведь между моментом написания записки и нашей встречей обычно проходит не меньше недели, а за это время у меня могут появиться новые трофеи для обмена.

Деньги мой партнер тоже отдал все, что у него с собой имелись. Ну, почти все. Мало ли что может случиться в дороге, так что часть монет я ему оставил. Бумажные деньги у нас давно не в ходу. Истрепались за полторы сотни лет. Где-то в городах, говорят, они ещё есть, да и то рассчитываются ими между собой только наши новые аристократы и самые зажиточные торговцы.

Брать мне пришлось всё, хотя, будь у меня выбор, от некоторых предметов я бы, пожалуй, отказался. И дело тут не в их качестве, к нему у меня претензий нет. Проблема в том, что среди принесенных Данжуром артефактов встречались и такие, которым в окрестностях нашей деревни просто неоткуда взяться. Например, четыре толстые титановые пластины. Очень ценная добыча, но их явно вырубали из какой-то большой конструкции, которую охотники из моей деревни давно бы обнаружили, находишь она в пределах четырех-пяти дней пути от нашего поселения.

Заметив мой невысказанный интерес, Данжур, немного поколебавшись, решил, что не будет ничего плохого, если он расскажет мне, как они к нему попали. Торговец, у которого он обменял пластины на часть моих трофеев, сказал, что лет пять назад снаряженная бароном большая поисковая группа обнаружила на побережье почти полностью скрытую песком носовую часть очень немаленькой субмарины времен Чужой войны. Вот её корпус и разделали на такие пластины. Теперь в городе это довольно ходовой товар.

На самом деле, титан – штука очень дорогая. У кузнеца за него можно получить кучу денег, вот только вокруг нашего поселения его в таком виде никто никогда не находил, так что необходимости отвечать на неудобные вопросы мне в любом случае не избежать.

И ладно бы всё ограничивалось титановыми пластинами. В дополнение к ним в моём рюкзаке сейчас лежит еще и упаковка из трех диодных фонарей со встроенными аккумуляторами. Каким-то образом они умудрились сохраниться в очень приличном виде, да ещё и в комплекте с небольшой раскладной солнечной панелью. Причем всё в рабочем состоянии. Редкость невероятная. Где такое можно найти, я даже не представляю. Данжура я спрашивать об этом, естественно, не стал. Такое охотники рассказывают только сами, если считают нужным.

Добравшись до тайника, я сгружаю в контейнер часть выменянных артефактов. Крышка закрывается с трудом, но зато теперь мой рюкзак становится намного легче. Ходить по Змеиному лесу так тяжело нагруженным небезопасно. Теряется подвижность, и можно не успеть вовремя отреагировать на опасность, да и путь до деревни неблизкий. Домой хотелось бы успеть до темноты, а мне ведь нужно заглянуть еще в одно место. Без должного алиби появляться в селении с титановыми пластинами и диодными фонарями – отчаянная глупость. Ночевать в мокром лесу без крайней на то необходимости – тоже не лучшая идея. Да и зверьё здесь довольно опасное и крайне недружелюбное. Поэтому выхожу на тропу и ускоряю шаг, но бдительности не теряю и к хорошо натренированному чувству опасности прислушиваюсь с удвоенным вниманием. Места знакомые, однако Змеиный лес полон сюрпризов. Устройства кибов и конструкты тайкунов, способные к самостоятельной смене позиций, здесь ещё попадаются,

хоть и довольно редко. Вот только мне за глаза хватит и одной такой встречи, чтобы с гарантией отправиться в края вечной охоты.

На околице появляюсь уже после захода солнца. Полной темноты пока нет, но сумерки сгущаются быстро. В караульной у ворот дежурит пара мрачных деревенских мужиков лет сорока пяти при самодельном охотничьем ружье и корявой винтовке, недавно собранной в нашей деревенской кузнице из выкупленных у пришлых охотников трофеев. Ружье хоть и выглядит примитивной поделкой, но, на мой взгляд, намного надежнее этой пародии на довоенное огнестрельное оружие. Попытка использовать остатки продвинутых оружейных технологий на нашей убогой технической базе порождает уродливые конструкции, постоянно дающие осечки или заклинивающие при выстреле. Старого оружия почти не осталось, а к тому, что сохранилось, давно нет нормальных патронов.

В городе, конечно, есть мастерские по производству боеприпасов. Для револьверов и охотничьих ружей их изделия вполне подходят. Осечки там не столь критичны, да и сами патроны намного проще, чем для магазинных винтовок и автоматического оружия. Впрочем, мне не светит даже револьвер. Огнестрел у нас только для аристократии и представителей власти. Обычный деревенский житель, вроде меня, даже примитивный мушкет может получить только из рук шерифа и лишь для конкретной цели. Например, для охоты на крупного зверя. Ну или, как эти мужики, для несения службы на входе в деревню.

– Что несешь, охотник? – угрюмо спрашивает более крупный охранник, в нарушение всех правил курящий, привалившись к воротному столбу. Зовут его, кажется, Василием. Лицо знакомое, но общаться с ним мне раньше не приходилось.

– Трофеи, – я пожимаю плечами и, не замедляя шага, прохожу в открытую калитку.

– Подожди минуту, – Василий отлипает от столба, неторопливо гасит об него недокуренную папиросу и аккуратно убирает окурок в тускло поблескивающую металлическую коробочку.

– Есть вопросы? – я останавливаюсь и с демонстративным непониманием смотрю на охранника. Не узнать меня он не мог, а никаких других причин задерживать меня на входе я не вижу.

– Не дергайся, Серега, – успокаивающе-снисходительно отвечает Василий. Оказывается, он даже имя мое помнит. – Ничего личного. Просто сегодня у нас приказ досматривать всех на входе в деревню. Говорят, опять молодежь травкой баловаться начала. Вот староста и велел шерифу провести тотальный шмон всех входящих. Я понимаю, что ты дурыю заниматься не станешь, но приказ есть приказ, так что скидывай рюкзак, поглядим на твои трофеи.

– Скажи мне, Василий, – сходу соглашаться на этот беспредел я не собираюсь, – а в письменном виде приказ шерифа на проведение досмотров у тебя имеется?

– Не-а, – охранник нагло усмехается, загораживая мне дорогу. – Да и зачем он мне такой нужен, если устав охранной службы позволяет досматривать на входе в деревню любого, кто вызывает хоть малейшие подозрения? Просто сегодня шериф сказал считать подозрительными всех подряд, вот мы и считаем.

Второй охранник, имени которого я так и не вспомнил, лениво встает с грубо сколоченного табурета и выходит из караулки.

– Будем сопротивляться охране при исполнении? – плотоядно интересуется он, вставая рядом с товарищем.

– Не будем, – я стараюсь сохранять спокойствие, хотя врезать с ноги сразу по обеим сытым рожам хочется просто отчаянно. Впрочем, можно и не по рожам. Есть и пониже достойные цели. Даже проще, наверное, будет. Вот только зачем мне проблемы? У меня и так хватает сложностей в отношениях со старостой и шерифом. Их отпрыски ещё в нашем общем детстве регулярно приходили домой с фингалами и разбитыми носами после очередных попыток указать мне мое место в деревенской иерархии. Да и сейчас это всё ещё случается. Ничему

их жизнь не учит. Не спорю, мне тоже, бывает, достается, причем иногда весьма нехило, вот только я неизменно стремлюсь не оставаться в долгу.

– Это решит вопрос вашей подозрительности? – окончательно обуздав эмоции, я достаю из кармана пару поблескивающих никелем монет и демонстрирую их нашим доблестным охранникам.

Василий, не задумываясь, берет монеты, но при этом отрицательно качает головой, продолжая смотреть на меня, как на мерзкого вида насекомое.

– Не пойдет, – заявляет он голосом полного хозяина положения. – Приказ шерифа должен быть выполнен. Правда, он может быть выполнен по-разному. Так и быть, мы не станем сильно придирааться к хорошо знакомому охотнику и копаться в каждой мелочи. Даже трогать руками ничего не будем. Сам всё достанешь, покажешь нам, а потом сам же сложишь обратно в рюкзак. Если травки не найдем, спокойно отправишься домой.

Спорить бессмысленно. Слегка отодвинув плечом Василия, захожу в караулку. В конце концов, ничего запрещенного у меня с собой нет, хотя показывать посторонним свою добычу мне, конечно, не хочется, да и денег у меня при себе многовато для охотника, возвращающегося из рейда и ещё не успевшего сдать добычу кузнецу и лавочнику. Впрочем, деньги можно и не показывать. Не зря же я пожертвовал две монеты за льготный режим досмотра.

По мере извлечения предметов из рюкзака в глазах охранников начинают плескаться целые озёра жадности, быстро расширяющиеся при появлении на свет каждой новой вещи, а титановые пластины, аккумуляторные фонари и солнечная панель, похоже, добивают их окончательно. При этом прямой угрозы я не чувствую, хотя смутное беспокойство начинает заполнять мое сознание всё сильнее.

– Богатая добыча, – слегка севшим голосом произносит Василий.

Второго охранника я почему-то не вижу, хотя он только что поедал взглядом каждый извлекаемый из рюкзака артефакт. В караулке его нет, и вышел он как-то уж очень тихо. Я этого даже не заметил.

– И где же такое можно найти? – охранник легко и непринужденно задает вопрос, считающийся среди охотников ярчайшим проявлением дурного тона.

– В одном месте столько добра никогда не валяется, – на любой дурацкий вопрос всегда можно ответить максимально обтекаемо, но так, чтобы это не выглядело откровенным хамством. – Далеко за реку ходил. Километров триста на ноги намотал, пока всё это собирал, не меньше.

– Это за один день-то? – проявляет неожиданную осведомленность Василий.

– Нет, конечно, – меня такими вопросами не смутить, ответы на них я всегда готовлю заранее. – Сегодня я только из схрона добычу забрал, а собирал её там несколько недель.

Что интересно, это почти правда. Артефакты для обмена я действительно добыл далеко не за один раз, и времени это потребовало немало.

За спиной Василия вновь появляется второй охранник.

– Ну что, не нашел травку? – спрашивает он каким-то преувеличенно бодрым голосом.

– Не, чисто всё, – мотает головой Василий, и в его взгляде мелькает какое-то странное удовлетворение. – Ладно, охотник, собирай свою добычу и можешь быть свободен.

Происходящее не нравится мне всё больше. Весь этот спектакль с мифическим приказом шерифа возник не на пустом месте, и пара охранников, которых я за всё время своих походов видел на этом посту хорошо если раза три-четыре, затеяла его не из пустого любопытства и уж точно не ради двух никелевых монет, полученных от меня в виде мелкой мзды.

Я почти не сомневаюсь, что меня притормозили здесь специально, а история с досмотром понадобилась лишь для того, чтобы убедиться, что у меня при себе есть достаточно ценная добыча. Нет, сами меня грабить эти уроды не станут, а вот шепнуть кому надо, что прибыл перспективный клиент, вполне могут. Вернее, уже шепнули, не зря же второй охранник куда-

то ненадолго отлучился. И не только шепнули, но и дали время на подготовку, задавая мне idiotские вопросы.

– Ну, бывайте, бесстрашные борцы с сушеной травкой, – бросаю я охранникам, выходя из караулки. – Спокойного дежурства.

– Поговори мне ещё... – с ленивым безразличием отвечает Василий. Оба мужика усиленно делают вид, что уже потеряли ко мне всякий интерес. Угу. Верю сразу и безоговорочно. Артисты...

Медленно иду по главной улице деревни, усиленно изображая усталого охотника, расслабившегося, оказавшись в родном селении. На самом деле я предельно собран и напряженно размышляю о том, где меня встретят. Уже совсем стемнело. К кузнецу идти поздно, его контора давно закрыта, так что от мысли сбросить ему добычу приходится сразу отказаться. С кое-как освещенной дороги скоро придется свернуть. Путь, которыми я могу попасть домой, не так уж много, и все они ведут через кривые боковые улочки, где удобных мест для засады более чем достаточно. Хвоста я за собой не вижу, но не сомневаюсь, что меня ведут. Чувство опасности, словно очнувшись, вонзает острый шип куда-то под черепушку, предупреждая о близких проблемах. Спасибо, конечно, а то я сам не догадался.

За спиной у меня тяжелый рюкзак. Он, конечно, намного легче, чем был изначально, но движения всё равно стесняет. Немного расслабляю ляжки, чтобы при необходимости иметь возможность быстро его сбросить. Я понятия не имею, кто собирается на меня напасть. Вариантов несколько, и размышлять на эту тему мне сейчас некогда. Кто бы это ни был, они постараются сделать всё тихо. Не факт, что на крики и шум драки кто-то прибежит, вот только мало ли... Деревня у нас большая, почти три сотни дворов, и даже есть своя милиция, возглавляемая шерифом. Так себе, конечно, стражи порядка. По большей части такие же скользкие типы, как те мужики в караулке у ворот, но привлекать к себе внимание грабители всё равно вряд ли захотят.

Из оружия у меня только нож в ножнах на поясе и разряженный арбалет. Можно, конечно, остановиться и его зарядить, но это всё равно, что заорать на всю улицу: «Эй вы, уроды, я знаю, что вы меня ждете!». Тоже, кстати, вариант. Если и не остановит грабителей, то удивит уж точно. Скорее, конечно, удивит, а остановит вряд ли. Просто заставит действовать немедленно и уже с четким пониманием, что я готов к бою и обязательно окажу сопротивление. А так я пока выгляжу легкой целью, и в этом мое преимущество, пусть и явно недостаточное для того, чтобы выйти из этой истории без потерь.

Есть еще, конечно, метательные шарики, лежащие в нашитых на куртку специальных карманах, позволяющих мне быстро получить к ним доступ практически из любого положения. Однако это скорее средство ошеломить противника, чем способ вывести его из строя. Впрочем, помимо выструганных из ствола яблони деревянных снарядов у меня есть и стальные. В реальном бою я их пока не применял, но, судя по воздействию на мишени, они вполне способны сказать свое веское слово даже в серьезной схватке. Интересно, знают ли об этом моем оружии противники? Если охранники на воротах ждали именно меня, то точно знают. Ну а если искали просто любого охотника с богатой добычей, тогда пятьдесят на пятьдесят.

Ну и последнее мое оружие – я сам, вместе с моими необычными умениями, проявившимися в течение нескольких лет после возвращения из той злополучной прогулки по Змеиному лесу. Всё это замечательно, но есть один очень неприятный нюанс – свои новые способности я почти не контролирую, и проявляются они исключительно спонтанно.

Мне пора сворачивать. Конечно, никто не мешает дойти до следующей улицы, вот только это может насторожить предполагаемых грабителей, а небольшая отсрочка нападения всё равно ничем мне не поможет. Поворачиваю на ближайшем перекрестке и окончательно погружаюсь во тьму. Редкие и слабо светящиеся окна деревенских домов только стущают мрак. Луна то выглядывает из-за облаков, то вновь за них прячется. В темноте я ориентируюсь

неплохо, но всё же видимость сокращается до десятка метров. Остро жалею о том, что всё-таки решил не брать из тайника амулет, расширяющий возможности зрения. Сейчас он бы очень пригодился.

Вокруг обычные звуки готовящейся ко сну деревни. Где-то гавкнет цепной пёс, где-то завоют куры или заорет котяра, получивший лапой по морде от конкурента с соседнего двора. Но всё это далеко, а здесь, на узкой боковой улочке, сейчас очень тихо. Двигаюсь не торопясь, делая вид, что внимательно гляжу под ноги, чтобы не вляпаться в лужу или коровью лепёшку. Минут пять меня никто не беспокоит, и в голову начинает осторожно стучаться мысль, что, может быть, я так и дойду до дома без всяких приключений, а про грабителей я просто себе с устатку напридумывал. Гоню её прочь и весь обращаюсь в слух.

Ещё минуту я двигаюсь по темной улице без каких-либо помех, а потом чувство опасности начинает орать дурным голосом, и мое восприятие скачком выходит на максимум. Это срабатывает одно из моих неконтролируемых умений. Так бывает далеко не всегда, но в этот раз мне везет. Тихий шелест раскручиваемой пращи я слышу, как свист рассекающей воздух плети. Видимо, появившаяся в разрыве облаков Луна позволила пращнику меня увидеть, и он решил, что лучшего момента может и не представиться.

Я распластываюсь на земле в момент, когда камень покидает пращу и устремляется в мою сторону. Движение воздуха над головой сообщает, что направленный мне в голову снаряд пролетел мимо. Состояние обостренного восприятия длится лишь пару мгновений и уходит так же внезапно, как появилось. Как всегда после подобных озарений, накатывает слабость, но сейчас мне не до восстановления сил. Я резво перекатываюсь на обочину и ныряю в придорожную канаву. Рюкзак очень мешает, вот только на то, чтобы его сбросить, у меня нет ни одной лишней секунды.

В дорожную грязь, где я только что лежал, с глухим стуком бьет арбалетный болт. Это сразу меняет расклад. Похоже, оставлять меня в живых нападающие не собираются. Я-то надеялся, что цель грабителей – оглушить меня, забрать рюкзак, обшарить карманы и раствориться в ночи. На такое кое-кто из местных вполне мог решиться, но чтобы убить, это вряд ли. Шериф такого беспредела терпеть не станет, особенно если речь идет о полезном для поселения охотнике, пусть и одиночке со множеством странностей. Так что, скорее всего, это пришлые, причем об их присутствии в деревне власти могут и не знать. Не скажу, что группе сомнительных личностей совсем уж легко незаметно пробраться в наше селение, но при должной сноровке это вполне возможно, особенно если кто-то помогает изнутри. Сплошное патрулирование участка у нас никогда не практиковалось. Нет у милиции на это сил.

Грабителей пятеро. Это я успел зафиксировать за время вспышки обостренного восприятия. Четверо непосредственных исполнителей и вожак, держащийся немного в стороне. Где они сейчас, я не знаю, но их позиции в момент моего падения на дорогу мне удалось засечь достаточно точно. Луна вновь скрывается в облаках, и это хорошо. Долго сидеть на одном месте нельзя, однако к активным действиям следует должным образом подготовиться. Извлекаю из кармана два деревянных шарика, и один за другим запускаю их в густую траву в паре десятков метров от себя, имитируя попытку спастись бегством. Шелест стеблей не может не привлечь внимания моих противников. Одновременно начинаю движение вдоль канавы в противоположную сторону. Темнота вокруг царит непроглядная, и перемещаюсь я чуть ли не наощупь. Вот сейчас ночное зрение и сверхчувствительный слух мне пришлись бы очень кстати, вот только вызывать их по своему желанию я так и не научился, да и сил это состояние вытягивает столько, что через несколько секунд я бы просто свалился на землю тряпичной куклой.

Покидаю канаву и углубляюсь в заросли бурьяна, стараясь не выдать себя шелестом травы. В этом мне помогают сами грабители. Кто-то из них азартно проверяет место, куда ушли мои деревяшки, создавая при этом гораздо больше шума, чем я. Через несколько метров упираюсь в покосившийся забор. Я весь мокрый и грязный, но совершенно этого не замечаю. Ски-

дываю, наконец, рюкзак и достаю из пристегнутого к нему чехла арбалет. Он у меня достаточно компактный и двухзарядный. Денег на его покупку ушло просто немеряно, но жалеть об этом приобретении мне не пришлось ни разу. Отработанным движением цепляю крюки натяжителя за обе тетивы, откидываю рукоять лебедки и аккуратно её вращаю, чтобы не издавать лишних звуков. Придерживаю пальцем фиксаторы, избегая характерных щелчков, когда тетивы встают на боевой взвод. Завершаю зарядание, зафиксировав болты в направляющих желобах.

На месте грабителей я бы не стал искать спрятавшегося охотника. Первая внезапная атака не удалась, и теперь попытка найти жертву вполне может привести к потерям среди нападающих. По-хорошему им бы стоило просто уйти, тихо исчезнув в темноте, вот только что-то удерживает бандитов на месте, вынуждая продолжать начатое.

– Здесь он, – раздаётся откуда-то справа тихий голос. – Не мог далеко уйти, мы бы услышали.

Соблазн выстрелить на звук очень велик. Может быть, я даже попаду, вот только скорее всего подпишу себе этим смертный приговор. Я не знаю, где вражеский арбалетчик. Он наверняка уже перезарядился, и теперь только и ждет, когда я себя обнаружу, так что услышанные мной слова вполне могут быть обычной провокацией. Ситуация патовая. Если они в своих поисках ко мне приблизятся, я это точно услышу, и тогда кому-то из грабителей светит быстрая смерть или тяжелое ранение. Не думаю, что кто-то из них захочет так подставляться. Сам я тоже уйти не могу. Шанс нарваться на нож, арбалетный болт или камень из пращи слишком велик. И всё же время работает на меня. Я-то могу тут хоть до утра сидеть. Вот только нужно ли мне это? Не получилось один раз, попробуют снова, и не факт, что не подготовятся к повторной попытке более тщательно.

Я принимаю решение, и в кусты на противоположной стороне дороги летит еще один деревянный шарик. На этот раз я остаюсь на месте и вновь весь обращаюсь в слух.

– Проверьте! – тихий шепот главаря звучит в моих ушах неожиданно громко, и я понимаю, что вновь спонтанно активировалось обостренное восприятие. На этот раз тоже очень вовремя. Ситуация становится всё интереснее. Я узнаю этот голос и понимаю, что ошибся в оценке роли отдавшего приказ. Он не главарь банды, он заказчик, а заодно и тот, кто помог грабителям незаметно проникнуть в деревню.

Органы чувств вновь возвращаются к своим обычным возможностям, вот только теперь я точно знаю, где прячутся арбалетчик и пращник. Позиции для стрельбы у них удобные, однако они совершенно не рассчитаны на то, что стрелять будут не они, а в них. Арбалетчик умирает первым. С короткой, но толстой стрелой в черепушке люди долго не живут. Пращник слышит щелчок моего арбалета, но в первый момент решает, что это выстрелил его товарищ. Вместо попытки укрыться, он начинает еще пристальнее вглядываться в темноту, и из неё ему в горло прилетает мой второй болт.

Быстро сориентироваться в почти полной темноте весьма непросто. Я-то один, мне проще, а вот грабители на несколько секунд теряются, не понимая, что происходит, и пропускают мою внезапную атаку. Одного из них мои выстрелы застали осторожно пробирающимся вдоль придорожной канавы рядом с местом, куда улетел мой последний деревянный снаряд, а настоящий главарь банды и заказчик всё еще стоят рядом, пытаюсь сориентироваться в обстановке. Именно к ним я и совершаю стремительный рывок, оставляя последнего бандита позади и справа.

Беспокоиться о здоровье главаря из пришлых у меня нет никаких причин, и в лоб здоровенному мужику прилетает тяжелый стальной шарик трех с половиной сантиметров в диаметре. Хорошо так прилетает, от всей широты моей оскорбленной подлым нападением души. Заказчик бросается в сторону. Он хорошо знает на собственном опыте, чем именно только что снесло с ног нанятого им бандита. Добивается он этим лишь того, что такой же шарик прилетает ему не в лоб, а в затылок. Разница в силе броска. Этого урода я убивать не собираюсь, мне

здесь ещё жить. Вешать на себя труп односельчанина, причем далеко не последнего в местной иерархии, я не хочу.

Единственный оставшийся на ногах грабитель оказывается далеко не трусом. Он понимает, что их затея с треском провалилась, и всё пошло совсем не так, как планировалось. С другой стороны, если ему удастся меня уделать, делиться добычей уже ни с кем не придется. К тому же я нахожусь к нему спиной, и его это, несомненно, обнадеживает.

Чувство опасности проявляет себя чуть ли не физической болью, причем в конкретном месте – между лопаток. Судя по всему, именно на этой точке моего тела сейчас сосредоточено всё внимание врага, и я догадываюсь, почему это так. Плюхаться мордой в грязь – не самое приятное занятие, но за сегодняшний вечер я делаю это уже второй раз. Метательный нож, который по замыслу врага должен был засесть в моем позвоночнике, тусклым проблеском улетает в темноту. Вот только этот нож у бандита наверняка не единственный. Я бросаюсь в сторону, но вновь появившаяся на небе Луна на этот раз играет против меня. Противник успевает заметить, куда я переместился.

Положение не из приятных. Я лежу в канаве со скользкими стенками, покрытыми мокрой травой, а мой враг сейчас стоит где-то на дороге с зажатым в руке готовым к броску ножом, причем опыт в этом деле у него, похоже, немалый. У меня тоже есть нож, но метать его я умею весьма посредственно, да и не для этого он предназначен. Форма не та, и центр тяжести слегка смещен к рукояти.

Противник рядом. Нож в меня он бросал метров с семи и однозначно попал бы, не упавши на землю. Тянуть время нельзя. Если враг застанет меня лежащим в грязи, я окажусь в безнадёжном положении. Вскрываю и прыжком с перекатом ухожу в бурьян за канавой. Спасает только ночь. Днём я уже был бы трупом, но бросать нож на звук по неясной цели грабитель не рискует. Он хочет сократить дистанцию, чтобы действовать наверняка. Про то, чем я приложил их главаря, бандит, похоже, не знает.

Поднимаюсь на ноги, одновременно доставая нож и перекладывая его в левую руку. Когда я разворачиваюсь к дороге, в правой руке у меня уже зажат последний металлический шарик. Его тяжесть вселяет уверенность, которой мне сейчас очень не хватает. В неверном свете Луны детали смазываются, но врага я вижу достаточно неплохо. В отличие от главаря, он не слишком крупный. Такие часто бывают гибкими и быстрыми. В бандитской среде они берут не силой, а умением обращаться с дистанционным оружием. Практически мой случай.

Нас разделяет около десяти метров, и находимся мы по разные стороны канавы. Он стоит на дороге, а я в высокой траве, достигающей мне до пояса. Уклоняться от бросков ему будет проще. Вот только дистанция великовата, и бандит не спешит. Он тоже видит в моей руке нож, и не знает, насколько хорошо я умею с ним обращаться. То, что он остался один, заставляет его предполагать худшее. Ещё больше напрягает его то, что оружие я держу в левой руке. Левша – всегда неудобный противник. Шарика, зажатого в моем правом кулаке, противник не видит.

– Уходи, ты мне не нужен, – говорю я пришлому бандиту просто чтобы его отвлечь.

Я вижу, что он не отступит. Как врага, он меня уважает, но считает себя в силах со мной справиться. Слишком уж богатая добыча на кону, чтобы такой, как он, отступил.

– Подойди поближе, поговорим, – негромко отвечает грабитель, поигрывая ножом. Я вижу, что метнуть его он готов в любую секунду и из любого положения. И я совсем не уверен, что смогу уклониться, даже если бросок он совершит с разделяющих нас десяти метров.

– Что, охотник, страшно? – словно прочитав мои мысли, спрашивает бандит, и мне кажется, что во тьме, лежащей на его лице, я угадываю злую усмешку. – Не бойся, больно не будет, быстро умрешь.

Ещё продолжая говорить, он делает короткий, почти незаметный шаг ко мне, и я понимаю, что через мгновение последует бросок. И тут меня снова бросает в режим обостренного

восприятия. Ждать больше нельзя, и я практически на автомате делаю то, что задумал, когда брал нож именно в левую руку.

Охотничий нож, совершенно не предназначенный для метания, да ещё и брошенный левой рукой, сильно, но неуклюже летит в цель, вызывая у врага невольное удивление. Тем не менее он отвлекается и задерживает свой бросок, начиная небрежно уклоняться. Лунный свет падает на его лицо, высвечивая презрительную гримасу, в которой отражается целая гамма чувств. Мой противник уже считает себя победителем, ведь я теперь безоружен, и приятным бонусом к богатой добыче для него станет возможность насладиться моим страхом.

Металлический шарик, запущенный моей правой рукой, летит в цель заметно быстрее ножа. Бандит успевает понять, что что-то не так и выражение злобной радости на его лице превращается в дикий оскал. Начав уклоняться от ножа, он уже не может быстро отреагировать на новую угрозу, и почти сто восемьдесят граммов стали с силой бьют его в переносицу.

Я бросаюсь вперед, понимая, что если дать врагу прийти в себя, можно нарваться на очень неприятные последствия. Вот только мои опасения напрасны. В темноте я просто не сразу оцениваю последствия попадания. Голова бандита резко дергается назад. Он отступает на пару шагов и метательный нож выпадает из его руки. Сам грабитель неловко заваливается на бок и падает в дорожную грязь.

Что интересно, за всё время нашей схватки на улице так никто и не появился. Если кто-то что-то и слышал, жители деревни предпочли тихо отсидеться по домам. Впрочем, сейчас это даже к лучшему. Обхожу лежащих на дороге и в кустах грабителей. Пращик и арбалетчик мертвы. Главарь в полной отключке и очень плох. Лоб у него, конечно, крепкий, но почти двести граммов стали он поймал им с короткой дистанции со всеми вытекающими последствиями. Последний бандит имеет шансы выжить, но пролежит без сознания еще долго.

Заказчик, а это не кто иной, как младший сын кузнеца, тоже в сознание пока не пришел, и какое-то время еще будет смиренно лежать в дорожной грязи. На всякий случай вяжу ему и последнему бандиту руки и ноги ремнями, снятыми с остальных, подбираю рюкзак и бегом возвращаюсь на главную дорогу. В кои-то веки милицейский патруль оказывается в нужное время и в нужном месте очень вовремя выходя мне навстречу. Двое рядовых с ружьями и старший с револьвером.

– Вот вы-то мне и нужны! – сходу подкатываю к милиционерам. – У нас проблемы. В деревне банда пришлых. Попытка ограбления.

– Кого грабят? Почему мы ничего не слышали? – старший патруля подозрительно всматривается в мое лицо, узнает и немного расслабляется, хотя настороженное выражение с его лица никуда не девается. Не та у меня репутация, чтобы люди шерифа сходу мне верили.

– Уже никто никого не грабит, – отвечаю, несколько сбавив градус напряжения в голосе. – Два трупа и трое пока живых. Лежат в грязи и ждут, когда вы их подберете. Пытались меня убить и завладеть трофеями, но не вышло. Один из них, похоже, наводчик из наших. Рожу в темноте не разглядел, но голос показался знакомым. Впрочем, я мог и ошибиться. Думаю, самое время будить ваше начальство.

– Где всё произошло?

– На Березовой, метров четыреста отсюда.

– Почему на помощь не звал?

– Слишком быстро всё завертелось. А потом не мог кричать, чтобы себя в темноте не обозначить. У них арбалетчик был и пращик. К тому же подумал, что лишние свидетели ни к чему. Если вдруг там кто-то из наших замешан, пусть шериф и староста сами решают, что и кому рассказывать о случившемся.

Нужно отдать должное командиру патруля, раздумывает он недолго.

– Григорий, давай быстро за шерифом, – приказывает старший одному из подчиненных и вновь поворачивается ко мне. – Веди, охотник. Надеюсь, ты положил именно пришлых. В ином случае я тебе не завидую.

* * *

Владелец Каринту не любил покидать столичную планету. Много веков назад, когда он только появился на свет, никаких межзвездных, да и межпланетных кораблей ещё не существовало. Первые попытки узнать, что происходит за пределами воздушной оболочки мира, были предприняты только через пятьдесят лет после его рождения.

Позволить себе жить многие сотни лет мог далеко не каждый кейр, не говоря уже об обычных людях. Замедлить процессы старения, непрерывно идущие в организме, оказались способны только самые одаренные из владеющих скрытой силой. И лишь немногим из них удалось почти остановить их ход. Увы, лишь почти. Абсолютного бессмертия не смог добиться ни один из великих.

Владелец чувствовал подступающую старость. Он ещё был достаточно крепок, но по меркам неодаренных людей выглядел лет на девяносто, а это уже достаточно преклонный возраст, даже если обычный человек тщательно следит за своим здоровьем и пользуется для его поддержания услугами кейров.

Каринту тратил всё больше сил на то, чтобы просто не умереть. Правда сил этих у него пока хватало, вот только положение обязывало его постоянно расходовать их далеко не только на поддержание функционирования своего дряхлеющего организма. Вот и сейчас ему предстояло потратить часть своего времени на дела, никак не связанные с заботой о собственном долголетии. Отказывать в аудиенции визирю – это уж слишком. Такое пренебрежение государственными делами может породить смуту и сомнения в головах приближённых.

До назначенного времени оставалась минута. Владелец знал, что визирь появится в каминном зале его резиденции ровно в ту секунду, когда управляемая потоками скрытой энергии клепсида издаст тихий звон, извещая хозяев и гостей старинного замка о наступлении полудня. К этому моменту он должен быть бодр, собран и энергичен. Любая слабость, продемонстрированная низшему, может означать начало конца его многовекового правления кейрами. И то, что именно он властью скрытой силы и искусством слова собрал разрозненные государства метрополии в единую Державу и встал у истоков грандиозной звездной экспансии, ни на миг не остановит тех, кто давно хочет занять его место.

Одновременно с мелодичным звоном клепсидры двери каминного зала на мгновение вспыхнули сетью энергетических линий силового щита и бесшумно разошлись в стороны, открывая взору владельца ожидающего за ними посетителя. Визирь безупречно исполнил сложный ритуальный поклон, и Каринту с удовлетворением отметил, что, как и всегда, второй человек в Державе не позволил себе даже тени небрежности при демонстрации лояльности к сюзерену.

Благосклонно кивнув в ответ, владелец указал посетителю на кресло за небольшим столиком, где уже дымился в изящных чашках бодрящий и пряный корго – насыщенный энергией напиток, доступный лишь самым богатым кейрам Державы.

– Итак, герцог, – Каринту внимательно посмотрел на визиря. – Что же на этот раз заставило вас искать встречи со мной? Надеюсь, это хорошие новости, а не очередные проблемы?

– Пока ещё не проблемы, – едва заметно улыбнулся визирь, – а лишь некая вероятность их возникновения, и я здесь именно для того, чтобы свести эту вероятность к минимуму.

– Вновь зашевелились отщепенцы? – в глазах Каринту на мгновение вспыхнул недобрый огонь.

– Нет, владетель, эту скверну вы выжгли из мозгов подданных настолько надежно, что вряд ли мы услышим о ней в ближайшую сотню лет.

Визирь ответил предельно деловым тоном. Даже легкий намек на какую-либо несерьезность в этом вопросе мог вызвать гнев главы Державы.

– Продолжайте, герцог, – удовлетворенно кивнул владетель.

– На этот раз признаки возможных проблем проявились не внутри Державы, а на её границах.

– Варвары из-за Барьера?

– Возможно, они тоже причастны, однако нам ещё только предстоит это выяснить. Сложность в том, что интересующие нас события происходят в пространстве, которое мы не вполне контролируем. К сожалению, даже лучшие книжники Державы до сих пор так и не смогли установить, по какой причине наши способности к управлению скрытой силой начинают резко снижаться сразу после пересечения внутренней границы Барьера. Продвинувшись за неё в направлении центра галактики всего на сорок световых лет, мы теряем половину наших возможностей, а в семидесяти световых годах от границы все энергетические конструкты начинают самопроизвольно распадаться, и наши межзвездные корабли просто разваливаются на части без всякого внешнего воздействия.

– Мне известны свойства Барьера, герцог, – холодно произнес Каринту. – За последние полтора века они никак не изменились, иначе живущих за Барьером варваров уже давно бы не существовало. Думаю, вам пора перейти к сути вопроса, ради обсуждения которого вы просили меня об аудиенции.

– Да, владетель, – почтительно склонил голову визирь, – я больше не стану впустую тратить ваше время. В пространстве Барьера есть всего три пригодных для жизни планеты, и только на одной из них развилась примитивная человеческая цивилизация. До последнего времени считалось, что аборигены полностью лишены способностей к управлению скрытой силой. Их развитие происходило по тому же пути, которым шли живущие за Барьером варвары. Вот только местные дикари ещё толком не освоили даже межпланетные перелеты.

– Я помню эпизод с борьбой за их звездную систему, – кивнул Каринту. – Сто пятьдесят лет назад там шли очень серьезные бои. Мы потеряли в них немало одаренных кейров, но и варвары понесли очень большие потери. Разве после этих боев цивилизация аборигенов не перестала существовать?

– Практически перестала, – подтвердил визирь. – На начальном этапе сражения мы не видели особой разницы между пришедшими из-за Барьера варварами и местными дикарями. Они пытались сопротивляться, и мы выжгли их города и гигантские мануфактуры, где они создавали свои примитивные устройства, стреляющие огнем и мертвым металлом. Тем не менее части аборигенов удалось выжить, хоть их популяция и сократилась в сотни раз. Они и сейчас живут на своей планете, пытаясь восстановить хоть что-то из утраченного. Получается у них это плохо, и я ни за что не стал бы отвлекать вас от дел, если бы не одно свойство их организмов, недавно обнаруженное нашими наблюдателями.

– Это действительно настолько важно? – в голосе владетеля вновь появилось недовольство.

– Думаю, да, – с прежней почтительностью ответил визирь. – До последнего времени мы считали, что, как и пришедшие из-за Барьера варвары, жители этой планеты полностью лишены способности к управлению скрытой силой. Теперь у нас есть основания полагать, что это не так.

– И что же заставило наших книжников прийти к такому выводу? – чуть подался вперед владетель. Новость, принесенная визирем, действительно могла оказать существенное влияние на сложившийся расклад сил. – Надеюсь, они не высаживались на планету нейтральной зоны? Нам сейчас только нового конфликта с варварами не хватало.

– Без вашей санкции, владетель, никто не решился бы на подобные действия, – заверил главу Державы визирь. – Речь пока идет только о данных, собранных нашими официальными наблюдателями с пустотных постов, размещенных в звездной системе аборигенов. Дистанционный контроль обстановки на поверхности ведется непрерывно. Там до сих пор регулярно регистрируются выбросы скрытой силы от самопроизвольного срабатывания конструкций, потерянных нашими наземными войсками во время боев за третью планету. Фиксируются и всплески грубой энергии, обычно сопровождающие действия боевой техники варваров. Раньше все эти явления легко объяснялись спонтанной активностью оставшихся без должного контроля артефактов, но в последнее время наблюдатели всё чаще фиксируют очень слабые всплески скрытой силы, не имеющие прямого отношения к оставленным нами на планете конструктам. Иногда эти выбросы совпадают по времени со срабатыванием наших амулетов и жезлов, и это наводит на мысль, что кто-то, совершенно не умеющий с ними обращаться, пытается вслепую нащупать способы управления этими предметами.

– Мы наблюдаем за пространством Барьера уже вторую сотню лет, – в голосе владетеля вновь прозвучало раздражение. – Почему я узнаю об этом только сейчас.

– Раньше мы подобных явлений не фиксировали, – невозмутимо ответил визирь. – Впрочем, возможно, мы их просто не видели. Необычные всплески скрытой силы очень слабы. Иногда они даже сливаются с естественным фоном, который после активных боев сильно вырос на всей планете. Обнаруживать эти аномалии мы стали только после недавнего переоснащения пустотных постов новыми конструктами дальнего наблюдения. У них намного выше чувствительность и способность различать детали.

– Каковы ваши выводы? – помолчав несколько секунд, спросил Каринту. – Чем всё это может нам грозить?

– Грозить? – задумчиво переспросил визирь. – Это, пожалуй, слишком громкое слово для данной ситуации. Скажем так, если аборигены действительно способны на примитивном уровне управлять скрытой силой, они могут представлять интерес как для нас, так и для варваров из-за Барьера. Нашим врагам они могут понадобиться, как солдаты с необычными возможностями. При должной подготовке и правильной мотивации из них можно сделать очень серьезных бойцов. Варвары широко используют в качестве оружия мертвые механические машины большой сложности. Наши книжники так и не смогли понять принцип их действия. Однако почти уничтоженная нами цивилизация развивалась таким же путем, как варвары из-за Барьера, и этим дикарям будет достаточно просто найти общий язык с их устройствами. В результате наши враги получают бойцов, владеющих одновременно и их оружием, и основами управления скрытой силой. К каким последствиям это может привести, сейчас представить очень сложно.

– Вряд ли это способно принципиально усилить варваров, – со скепсисом в голосе ответил Каринту. – Если они приблизятся к внутренней границе барьера, наши силы возрастут настолько, что слабые способности аборигенов ничем им не помогут.

– Вы, несомненно, правы, владетель, – уважительно кивнул визирь, – но это утверждение полностью верно лишь для прямого противостояния в открытом бою. Однако варвары хитры и коварны. По нашу сторону Барьера мы заведомо сильнее их, вот только и у них есть преимущество. Их корабли, в отличие от наших, не разваливаются на куски, пересекая Барьер и проникая в контролируемое нами пространство. Это значит, что они могут вести разведку у нас, а мы проникнуть к ним не в состоянии принципиально. Ну, или для этого нам придется освоить их способы создания межзвездных кораблей из мертвого металла и искусственных материалов, абсолютно чуждых скрытой силе. Что-то мне подсказывает, что такую задачу наши книжники решить не в состоянии. По крайней мере, в обозримые сроки.

– Неприятная перспектива, – вынужденно согласился Каринту. – Прямой угрозы она, пожалуй, не несет, но принять дополнительные меры к пресечению возможного проникнове-

ния варваров на эту планету действительно необходимо. Однако, такое решение вы могли бы принять и сами, не так ли?

– Безусловно, владетель. Более того, соответствующие меры уже приняты.

– Не сомневался в вас, герцог, – одобрительно кивнул Каринту, неторопливо взяв чашку и сделав небольшой глоток, – но тогда зачем вам потребовалась наша встреча?

– Я упомянул, что аборигены могут быть интересны не только варварам, но и нам, – ответил визирь, тоже беря со стола чашку с пряным напитком. – Именно это я и хотел обсудить с вами, владетель. Дело в том, что мы тоже можем использовать местных жителей в своих целях.

– Каким же образом?

– В качестве разведчиков. Мы не можем сами проникнуть за внешнюю границу Барьера, а вот аборигены смогут. Например, завербовавшись в армию варваров. Последние сведения о наших врагах мы получили от пленных, и было это почти сто пятьдесят лет назад. Пора бы обновить наши знания о противнике. Раньше варвары не представляли для нас реальной опасности, но время идет, и развиваемся не только мы, но и они. Их текущие возможности нам практически неизвестны, и это может представлять для Державы немалую опасность.

– В ваших словах есть логика, но зачем аборигенам работать на нас? И сможем ли мы доверять полученной от них информации?

– Не мне рассказывать вам, владетель, как много в нашем арсенале инструментов для обеспечения лояльности любого человека, будь то кейр из низких сословий или дикарь с отсталой планеты. Впрочем, аборигенов можно заставить действовать в наших интересах не только принуждением, но и заманчивыми перспективами. В сравнении с существованием на их дикой планете жизнь по нашу сторону Барьера покажется любому из них прекрасной мечтой. Вполне достижимой мечтой, заметьте. Нужно лишь добыть и принести нам необходимую информацию.

– Что ж, теперь я понимаю, зачем вы просили меня о встрече, герцог, – владетель неторопливо поднялся и в задумчивости подошел к камину. Повинуясь его мысленному усилию, поленья в нем ярко вспыхнули, и по залу стало быстро разливаться приятное тепло. Визирь знал, что дрова в камине не прогорят никогда. Искусно напитанные скрытой силой, они могут гореть практически вечно, пока владетель сам не решит погасить огонь.

– Вы хотите получить у меня разрешение на высадку наших разведчиков на поверхность планеты аборигенов, – не столько спрашивая, сколько констатируя факт, произнес Каринту.

– Это так, владетель, – подтвердил Визирь и продолжил, предвосхищая следующий вопрос сюзерена. – Я понимаю, что мы рискуем возобновлением конфликта с варварами, но я уверен, что мы сможем их обмануть. Я уже говорил о новых конструктах дальнего наблюдения, недавно установленных на наших пустотных постах в пространстве Барьера. Это не единственное достижение наших книжников и практиков. Из их лабораторий недавно вышли новейшие конструкты скрытности. Прежде чем просить вас о встрече, я лично испытал эти артефакты, так что могу с уверенностью утверждать, что они дадут нам значительное преимущество в незаметности и не позволят варварам обнаружить наш отряд.

Каринту остановился и долгим взглядом посмотрел на визиря. Пора было принимать решение, а он уже слишком устал от долгого разговора. Организм требовал новой порции силы для поддержания нормального функционирования.

– Действуйте, герцог, – наконец решился Каринту. – Получение достоверной информации о противнике соответствует интересам Державы, даже если оно сопряжено с определенным риском. Я предоставляю вам право самостоятельно определить его допустимую степень и те средства, которые необходимо привлечь для решения этой задачи.

– Благодарю за доверие, владетель, – поклонился визирь, понимая, что теперь ответственность за проведение операции целиком возложена на него самого. Впрочем, как и всегда.

И всё же эта инициатива имела смысл. Успех миссии еще немного приблизит его к давней и вожаденной цели. Владелец стар. Уже достаточно скоро его силы окончательно иссякнут, и во главе Державы встанет один из кейров высшего круга. Преемником Каринту станет тот, кто к этому моменту сосредоточит в своих руках максимум власти и влияния, а умножать власть и влияние можно лишь активно управляя большими ресурсами и получая при этом значимые и очевидные для всех результаты. Доступ к ресурсам визирь только что получил. Теперь ему осталось только не упустить свой шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.